

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

ISSN 2500–2104

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ и ПРАВА

Ежегодник научных работ
Выпуск 10 (2019)

**Мироустройство в XXI веке:
порядок или хаос?**

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2019

УДК 1:32:34
ББК 87:66:67
Ф56

Печатается по решению Ученого совета
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор философских наук *М.А. Маслин*
доктор политических наук *А.И. Соловьев*

Главный редактор — *Е.Н. Моцелков*

Члены РЕДКОЛЛЕГИИ: Бойцова О.Ю. (зам. главного редактора),
Жуков В.Н., Козырев А.П., Мчедлова М.М., Никандров А.В. (научный редактор),
Расторгуев В.Н., Федорова М.М., Щипков А.В., Яковлев М.В.

Ф56 Философия политики и права: Ежегодник научных работ.
Выпуск 10 (2019). **Мироустройство в XXI веке: порядок или хаос?** / Под общей редакцией доктора политических наук, профессора Е.Н. Моцелкова; научный редактор доцент А.В. Никандров / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – 316 с.

ISSN 2500–2104

Тема десятого выпуска Ежегодника «Философия политики и права» (2019) — «Мироустройство в XXI веке: порядок или хаос?». Коллектив авторов — специалистов в области философии политики представляет не только МГУ имени М.В. Ломоносова, но и СПбГУ, РУДН, МПГУ и ряд других учебно-научных центров России, Беларуси и Азербайджана. В своих статьях авторы излагают свои соображения о трендах и закономерностях современного мирового развития, размышляют о контурах мироустройства в XXI веке, пытаются определить место и роль России в будущей системе международных отношений.

Содержание Ежегодника может быть полезно для всех интересующихся современными проблемами философии политики.

© Коллектив авторов, 2019

ISSN 2500–2104

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2019

Подписано в печать 30.06.2019. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,75. Уч.-изд. л. 15,86. Тираж 500 экз. Заказ № 338.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым и Д.А. Газриловым*

Издатель Воробьев А.В. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. **8(495)772–03–76**

Типография ООО «Поли Принт Сервич», г. Москва, ул. Бутырская, д. 86. Тел. **8(495)191–11–95**
Изготовление любой печатной продукции // **info@ppsprint.ru // ppsprint.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Моцелков Е.Н.</i> На наших глазах рушится старый мировой порядок: что дальше? Вместо предисловия	5
---	---

РАЗДЕЛ I. Социогуманитарное знание о трендах современного мирового развития

<i>Аксюциц В.В.</i> Мировой терроризм в духовном измерении	20
<i>Аласания К.Ю.</i> Политика в эпоху «полного мира»: свободы и ограничения (по материалам юбилейного доклада Римского клуба «Come on! Капитализм, Близорукость, Население и Разрушение Планеты»)	33
<i>Гиренок Ф.И.</i> Глобальный нигилизм с точки зрения археоавангарда	42
<i>Гуторов В.А.</i> Модернизация против глобализации: о некоторых парадоксах современной интерпретации	48
<i>Лазаревич А.А.</i> Современный мир с позиций постконфликтности	60
<i>Расторгуев В.Н.</i> Эффект необратимости и стратегическая нестабильность: задачи философии политики и права в преодолении хаоса	71
<i>Сытин А.Г.</i> Проблемы будущего мироустройства в осмыслении академика Н.Н. Моисеева	85

РАЗДЕЛ II. Контурь будущего мироустройства XXI века: размышления философов и политологов

<i>Ланцов С.А.</i> Эволюция структуры международной системы и формирование международного порядка (вторая половина XX — начало XXI вв.)	97
<i>Мамедзаде И.Р.</i> От кризиса к грядущему миропорядку	110
<i>Муза Д.Е.</i> От «метафизики пустоты» к over-extension США: к пониманию архитектоники и эволюции миропорядка	116
<i>Мчедлова М.М.</i> Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии	128

<i>Никандров А.В.</i> На пути к «биполярной системе цивилизаций»?.....	138
<i>Никитин А.И.</i> Мировые державы и трансформация миропорядка	168
<i>Чумаков А.Н.</i> XXI век в культурно-цивилизационном измерении.....	187
<i>Шамигулин В.И.</i> О «евномии» и «плеонексии» в политике и праве: к вопросу о цивилизационном миропорядке	201
<i>Шевченко В.Н.</i> К методологии анализа современных проблем мирового порядка	233
 РАЗДЕЛ III. Место и роль России в мире XXI века	
<i>Аксюциц В.В.</i> Миссия России в современном мире.....	248
<i>Ананченко А.Б.</i> «Образы будущего» и национальная идея России	256
<i>Седых Т.Н.</i> От ценностной интуиции — к религиозным основам государственности: поиск новой российской идеологии	266
<i>Цыганков П.А.</i> Тенденция к преодолению этноцентризма в теории международных отношений (ТМО) и развитие отечественной школы	276
<i>Щитков А.В.</i> Вопросы идеологии и безопасность России.....	291
<i>Яковлев М.В.</i> Духовное развитие как основа будущего мирового устройства: идеи русских философов.....	300
 Размышляем над новинками западной литературы по проблемам философии политики	
<i>Соловьев А.В.</i> Право на восстание: Ален Бадью о событиях Мая 1968 во Франции	309
 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	314
 SUMMARY	316

Гуторов В.А.

Модернизация против глобализации:
о некоторых парадоксах
современной интерпретации¹

В современных философских дискуссиях теория модернизации (вернее, ее различные толкования) вовсе не обязательно рассматривается в категориях зависимости от различных характеристик природы «модерна» и «постмодерна». Понятие «модерн» в философском и эпистемологическом смысле изначально ориентировалось на представление о существовании одной «истинной» объяснительной модели, в которой отражается современный мир. Сторонники концепции «постмодерна», напротив, отрицали существование единственной концепции мира, полагая, что знание, идеология и наука сами по себе основаны на субъективном понимании относительности природы мира и социальных отношений.

Тем не менее теория модернизации, отражая характерное для классиков социологии и политической науки (К. Маркса, М. Вебера Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и многих других) внимание к процессу движения различных обществ от традиционных к современным социальным порядкам, уделяла большое внимание ценностям, верованиям и нормам, которые рассматривались как важные аспекты прогрессивного социального изменения. Соответственно Запад определялся одновременно как исходный пункт и цель глобального развития: в современных обществах традиционные формы жизни должны заменяться инновационными струк-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19–011–31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project No. 19–011–31066 “Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory”.

турами, практиками и способами мышления. Важную роль в данном процессе будут играть рост урбанизации, развитие нукlearной семьи, образования, средств массовой информации и систем рационального права.

В 1959 г. американский политолог Сеймур Мартин Липсет, развивая казавшуюся тогда убедительной гипотезу, согласно которой развитие является причиной и порождает демократию, сформулировал принцип корреляции между уровнем социально-экономического развития и способностью общества к демократии. «Чем более богата нация, — отмечал он в своей, ставшей классической, работе “Политический человек”, — тем больше у нее шансов поддерживать демократию. От Аристотеля и до наших дней люди считали, что только в процветающем обществе, в котором относительно немного граждан живут за чертой бедности, возможна ситуация, при которой массы населения разумно участвуют в политике и развивают ту степень самоограничения, которая необходима для того, чтобы не поддаваться лозунгам безответственных демагогов»¹. Таким образом, важнейшее условие успеха демократизации заключается, прежде всего, в преодолении бедности. Развитие представлялось линейным процессом, в рамках которого отдельные страны и народы преодолевают внутренние преграды на пути к модернизации и демократизации.

На протяжении более трех десятилетий установленная Липсетом корреляция неоднократно перепроверялась специалистами (путем выделения агрегированных индикаторов ВВП на душу населения и числа стран, определяемых по принципу «минимальных демократий») и оказалась крайне стабильной. Как отмечалось в одной из современных работ, «вследствие таких впечатляющих статистических подтверждений, прочную связь экономического развития и способности общества к демократии больше нельзя игнорировать. Многочисленные исследования ясно показывают, что уровень экономического развития (измеренный по ВВП на душу населения) должен рассматриваться как важнейшая переменная для объяснения степени демократизации определенной

¹ *Lipset S.M. Political Man. The Social Basis of Politics. Expanded Edition. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1981. P. 31.*

страны или различий между демократией и диктатурой на глобальном уровне»¹.

Позднее, с привлечением нового исторического материала, некоторые весомые аргументы в пользу взаимосвязи экономической модернизации и демократизации были выдвинуты С. Хантингтоном. Он доказывал, что экономический рост всегда способствует легитимации демократий, поскольку модернизация способствует росту образованного среднего класса, смягчающего классовые противоречия и заинтересованного в стабильности и упорядоченном способе политического участия и принятия решений². Тем не менее такого рода представления уже в 1960-е гг. стали подвергаться существенной коррекции, нередко сопровождаемой острой критикой. В результате влияние теории модернизации значительно уменьшилось. Главный контраргумент заключался в том, что сама схема, основанная на дихотомии «традиция-современность» и на ложной идее превосходства небольшой группы западных народов над всеми остальными, является слишком элементарной, чтобы отражать надлежащим образом все многообразие мирового социального опыта.

Другой важный аргумент акцентировал внимание на том, что модернизация вовсе не может означать упадок традиционных верований и практик, особенно в тех случаях, когда они могут оказаться в высшей степени функциональными в процессе изменения социальных порядков. Сторонники марксистского подхода убедительно доказывали, что теория модернизации игнорировала воздействие западного империализма и колониализма на формирующиеся в странах «третьего мира» порядки и является поэтому глубоко неисторичной. Постмодернистски настроенные ученые вместе со сторонниками «теории зависимости» критиковали теоретиков модернизации за излишний этноцентризм. Предполагая, что развитие заключается в движении от традиции к современности, и отождествляя модернизацию с индустриальным Западом,

¹ Меркель В. Теория трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы / Ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц. СПб., 2003. С. 59.

² См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

они утверждали, что теоретики модернизации совершают двойную ошибку: во-первых, они исходят из того, что Запад чем-то лучше по сравнению с другими цивилизациями; во-вторых, они утверждают, что все «несовременные» общества одновременно являются «традиционными». Тем самым они не в состоянии выявлять различия между обществами, поскольку многие из них отличаются друг от друга в гораздо большей степени, чем от Запада. Равным образом они не осознают масштабы стресса от попыток народов приспособиться к западным конструктам, которые сами являются продуктами теории модернизации и разрушают жизненно важные основы и культуру тех стран, которые модернизацию никогда не выбирали.

Следует отметить, что противники классической теории модернизации нередко сами увлекались и оставляли в стороне обсуждение принципиально важных проблем трансформации демократических институтов в современном мире, требовавшей новых интерпретаций теории демократии, включая анализ самого понятия «современная демократия». Следует признать, что один из источников смутности и неопределенности в трактовке современного содержания понятия «демократия» заключается в том, что он используется для описания не только формы правления, но и системы общественных отношений. Так, американцы говорят, что их страна обладает не только демократической структурой политических институтов, но и является *демократическим обществом*. В начале XX в. некоторые британские социалисты (например, Сидней и Беатрис Уэббы) пропагандировали идею «промышленной демократии» как эффективного средства установления рабочего контроля над промышленными предприятиями. В послевоенный период в странах Центральной и Восточной Европы форма правления и характер общественной жизни определялись правящими коммунистическими партиями как «народная демократия». Однако такого рода неопределенность не может создавать особо сложных теоретических проблем при условии, если термин «демократический» используется в соответствии с заложенным в нем семантическим смыслом. Тогда демократическое общество в американском смысле может восприниматься как общество без наслед-

ственных классовых различий, в котором существует тенденция к обеспечению равенства возможностей для всех граждан. Именно так характеризовал общество и стиль жизни в США Алексис де Токвиль, используя термин «равенство возможностей» для обозначения не столько формы правления, сколько достигнутого американцами уровня социального равенства. Точно также мало кто — как за пределами, так и внутри стран «народной демократии» — мог обманываться относительно формы правления и образа жизни населения жестко контролируемого СССР региона.

Драматическое развитие в 1990-е гг. демократических практик по всему миру породило (преимущественно у американских теоретиков и их адептов в посткоммунистических странах) иллюзию о существовании жесткой взаимосвязи между ростом свободного предпринимательства, с одной стороны, и демократических институтов — с другой. В работах наиболее амбициозных из них отражалась давняя утопическая вера в судьбоносное призвание США обеспечить конвергенцию всех обществ на основе «американского образа жизни». Такого рода теории были наглядным свидетельством крайне упрощенной универсалистской трактовки модернизации как синонима демократизации. Когда Германия в период между 1871 и 1914 гг. и Россия на рубеже XIX–XX вв. стали следовать примеру Великобритании и США, стремительно проводя индустриализацию своих экономик, они делали это в рамках авторитарной системы власти. Несмотря на стремительный рост образованного класса и развития культуры (достаточно вспомнить культуру русского Серебряного века и уровень, достигнутый немецкими университетами в этот период), который, по мысли некоторых теоретиков, является главным фактором, устанавливающим связь экономического прогресса с демократией, Германия не стала демократической (если, конечно, не считать короткого и отягощенного послевоенной разрухой и мировым экономическим кризисом периода Веймарской республики) до тех пор, пока американские, британские и французские оккупационные силы не «продвинули» ее в этом направлении. Переход России к «диктатуре пролетариата» и «социалистической демократии» (заставивший многих россиян, как ставших эмигрантами, так

и переживших ГУЛАГ, вспоминать о Российской империи как об ушедшем в безвозвратное прошлое («золотом веке») не приостановил процесс экономической модернизации страны, но до начала 1990-х гг. ни на йоту не продвинул ее в сторону западной модели демократического общества. Точно таким же образом индустриализация и экономический прогресс Японии вплоть до военной катастрофы 1945 г. никак не совпадали с западным демократическим пунктиром до тех пор, пока генерал Макартур и его советники резко не перевели эту страну на рельсы парламентской демократии.

Таким образом, представление о том, что адекватной формой политической организации, соответствующей цивилизованным отношениям, является либерально-демократическое государство, выглядит идеологически и ценностно ориентированным. В историческом плане оно отражало широкое распространение либеральных идей и институтов в XIX — нач. XX вв., затронувших все без исключения европейские страны, включая традиционные монархии. С кризиса этих институтов после Первой мировой войны начался процесс развития в тоталитарном направлении в России, Италии и Германии. В тех европейских странах, где было достигнуто наибольшее равновесие между организацией производства и политической системой, — коммунизма и фашизма удалось избежать. Однако исторический опыт показывает, что более глубокой причиной подобных резких изменений и переворотов является стремление к модернизации стран, отстающих в развитии, как ответ на вызов, брошенный техническим процессом. В длинном ряду современных военных диктатур и авторитарных режимов тоталитарные государства могут рассматриваться как своеобразная аномалия. Тем не менее, при всем различии тоталитарных и авторитарных режимов, возможно их сопоставление как *современных государств*, идущих по пути модернизации. «...Коммунистические режимы — отмечает, например, Т. Мак Даниэл, — в целом могут быть сгруппированы с некоторыми некоммунистическими государствами, такими как Турция Ататюрка, в качестве осуществляющих модернизацию однопартийных диктатур. Хотя вполне подходит называть таких правителей, как Сталин и Ататюрк, автократами, та-

кая автократия имеет отличие: не стремясь к личному правлению, основанному на традиционной легитимности, эти правители рвут с прошлым, пропагандируя идеологии обновления и обеспечивая массовое участие посредством развития массовых политических организаций... Такие автократические системы мобилизации ясно доказали способность создать основы современного индустриального общества. В определенном, самом крайнем случае, продемонстрированном сталинской системой, они действовали, фактически уничтожая отдельное существование гражданского общества, — факт, указывающий на ту огромную цену, которую эти режимы были готовы платить за свою версию прогресса»¹.

Постепенно теория модернизации стала испытывать все большее влияние многообразных версий концепции глобализации, нередко с ними сливаясь. Как отмечают американские политологи Ч. Эль-Оджейли и П. Хэйден, сегодня «оба подхода — модернизация и зависимость — продолжают функционировать в рамках обширного дискурса глобализации»².

Концепция глобализации является сравнительно новой в современном политическом дискурсе и общественных науках. Первая социологическая статья, в которой появляется данное понятие, была опубликована в 1985 г. К февралю 1994 г. каталог библиотеки Конгресса США включал только 34 названия работ, в которых упоминались либо само понятие, либо производные от него термины, причем все они не публиковались раньше 1987 г. К концу 1990-х гг. термин «глобализация» становится заметным, и только на рубеже тысячелетий количество книг и статей, где он постоянно встречается, стало исчисляться сотнями³.

Исследовать оттенки категориальных значений данного понятия не имеет смысла, поскольку оно не содержит в себе скольконбудь бросающихся в глаза противоречий. По справедливому за-

¹ *McDaniel T.* Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1991. P. 10 (ср.: *Арон П.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 191, 193, 206, 255).

² *El-Ojeili Ch., Hayden P.* Critical Theories of Globalization. New York, Palgrave Macmillan, 2006. P. 40.

³ *Birch A.H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. London and New York, Routledge, 2007. P. 43.

мечанию А. Бэча, это «просто всеобщий термин, используемый свободно в качестве стенографического ярлыка для обозначения чего-либо или всего, или же, в наиболее общепринятом смысле, некоей комбинации пяти, скорее, различных тенденций в мировых делах, которые легко могут быть перечислены». В перечислении А. Бэча, в эту комбинацию входят: 1) возрастающая обеспокоенность и международные действия в сфере проблем окружающей среды, имеющих глобальное значение; 2) рост мирового рынка как следствие снижения транспортных расходов, всеобщего сокращения таможенных платежей в соединении с созданием Всемирной торговой организации (ВТО) с целью защиты торговых соглашений и снятия барьеров, препятствующих торговому обмену; 3) учреждение международных судов для защиты прав человека или в особых регионах, или в более широком масштабе; 4) новый взгляд, согласно которому либеральные правительства или их коалиции должны обладать правом (а возможно, его следует трактовать и как долг) вмешиваться во внутренние дела других государств, если последние являются виновными в грубых нарушениях прав человека на своих территориях; 5) чрезвычайно стремительное развитие на мировом уровне средств коммуникации, открывающее возможность глобализации культуры¹.

В данном ракурсе понятие «глобализации» терминологически выглядит даже более осмысленным по сравнению с понятием «модернизация», обладающим практически бесконечным количеством оттенков и применяемым для характеристики чрезвычайно многообразных процессов и действий самого различного уровня и направленности — от модернизации станков, стрелкового оружия, отраслевых министерств, школьного и университетского образования до модернизации экономик и политических систем стран и регионов.

На понятийном уровне модернизацию с глобализацией объединяет и еще одно примечательное свойство, а именно — способность встраиваться в любую политическую конъюнктуру. Например, английский политолог Р. Саква вполне сочувственно и без

¹ *Birch A.H. The Concepts and Theories of Modern Democracy. London and New York, Routledge, 2007. P. 43.*

всякого оттенка критической иронии следующим образом комментирует действия Сергея Иванова, осуществлявшего на посту министра обороны обширный план перевооружения российской армии: «Представляя свой план Думе 7 февраля 2007 г., Иванов настаивал на том, что вопрос стоит о “модернизации, а не реформе армии”, поскольку слово «реформа», заявлял он, “вызывает у нас аллергическую реакцию”»¹.

Современные трактовки глобализации, первоначально тесно связанные с идеями постмодерна, обычно акцентируют внимание на общей тенденции к усилению интернационализации экономики, коренящейся в транснациональном характере капитала, к массовому производству и формированию мощных коммуникационных сетей и технологий, неотделимых от глобальной структуры массового потребления. В идейном-психологическом плане, отмечает П.Л. Бергер, «термин “глобализация” становится эмоционально нагруженным в общественном дискурсе. Для некоторых он представляет обещание международного гражданского общества, ведущего к новой эре мира и демократизации. Для других он предполагает угрозу американской экономической и политической гегемонии с ее такими культурными последствиями, как гомогенизированный мир, напоминающий разновидность метастазного Диснейленда (которую один французский чиновник мило называл “культурным Чернобылем”»².

Данный подход разделяет и О. Хеффе. Термин «глобализация», утверждает он, «нагружен противоречивыми эмоциями — отчасти надеждой, отчасти страхом — и используется настолько инфляционно и неточно, что его лучше избегать. И все же, когда он обретает более очерченный профиль, он имеет существенную диагностическую ценность для наших времен, поскольку он верно определяет вызов, не подталкивая к предубежденному ответу. Первое приближение к нему является непротиворечивым, но недостаточно четким: глобализация как возрастание и интенсификация социальных отношений в

¹ *Sakwa R. Russian Politics and Society. Fourth Edition. London and New York, Routledge, 2008. P. 408.*

² *Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World / Ed. by Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York, Oxford University Press, 2002. P. 2.*

мировом масштабе. Только посредством четырех квалификаций этот феномен обретает более различимый профиль... Будь это внутренняя и внешняя безопасность, забота о благосостоянии, экономическое процветание или защита окружающей среды, — все эти наибольшие виды ответственности, требующие человеческой самоорганизации, которая базируется на государственности и господстве права, теперь выходят за государственные рамки. И что более важно, дополнительные акторы приобретают постоянно увеличивающуюся власть и влияние на мировой арене: многонациональные корпорации, международные или транснациональные институты и неправительственные организации. Пока эти новые сущности еще не вытесняют существующие политические концепты, такие как либеральная демократия и ее социальные и экологические виды ответственности. Но они уже приобретают новое измерение, которое значительно трансформирует политику и теорию, лежащую в ее основании»¹.

В целом большинство специалистов и аналитиков, независимо от различных идеологических подходов, разделяют ту точку зрения, что глобализация является исключительно сложным, противоречивым, далеко не во всем предсказуемым историческим процессом, имеющим множество аспектов и уровней измерения. Глобализационные процессы включают в себя новое структурирование мирового пространства, главным вектором которого является формирование многоуровневых сетевых структур в сфере промышленности, финансов, торговли, новых технологий массовых коммуникаций, культурной индустрии и распространения идей. Они затрагивают не только межличностные отношения, но и активно вторгаются в политическое пространство, оказывая воздействие как на современные территориальные государства, так и на все без исключения элементы мировой политической системы.

Для современных теоретиков либерализма и неомарксизма глобализация имеет преимущественно экономическое измерение, поскольку оба данных направления мысли акцентируют внимание на экономических силах, действующих в мире, нередко оставляя в стороне вопрос о том, что в действительности даже экономиче-

¹ Hoffe O. Democracy in the Age of Globalization. Dordrecht, Springer, 2007. P. 1.

ские изменения не осуществляются исключительно с помощью экономических факторов: большое влияние на них оказывают технические достижения, политические решения и изменения публичных позиций социальных групп, которые также постоянно подвергаются трансформации. Ключевую роль в данном процессе играют современные мирные и военные технологии, как правило, преодолевающие пределы национальных государств и формирующие сетевое глобальное общество.

Наиболее примечательная черта глобализации заключается в том, что она «делает все более трудным для таких социальных акторов, как национальные государства, местные сообщества и индивиды, — поддерживать свою идентичность без ссылки на всеохватывающие глобальные структуры и потоки. Взаимосвязи глобализируют мир вполне измеримым, возможно, даже “объективным” образом, но это происходит преимущественно потому, что все эти силы заново определяют опыт и восприятия все большего количества акторов. Поэтому глобальное является теперь когнитивной референтной рамкой для многих акторов, которые осознают глобальное давление, хотя это в гораздо меньшей степени ощущается на уровне культуры и морали»¹. Такого рода дискуссии и идейные конфликты не могли не отразиться и на теоретических подходах к проблеме модернизации. Она все больше начинает восприниматься как внутреннее свойство или тип исторического развития, свойственный глобализации. Модернизационные процессы рассматриваются уже не в рамках какой-либо цивилизационной парадигмы, например, вестернизации, но как особый тип развития и неотъемлемый атрибут современного общества, главной характеристикой которого является тенденция к постоянным изменениям, не поддающимся строгому структурированию и не укладывающимся в четко обозначенные исторические периоды, свойственные европейскому модерну.

Оценивая характер современных дискуссий, нельзя, на наш взгляд, упускать из виду предпринятую много десятилетий назад

¹ Understanding Contemporary Society: Theories of the Present / Ed. by Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. London, Sage Publications, 2000. P. 243.

творческую попытку развития классической модернизационной парадигмы, разработанной Т. Парсонсом и его сторонниками: поскольку развитие носит универсальный характер, любое общество, в том числе и современное, должно стремиться обеспечить себе достаточный уровень адаптации к окружающей среде путем осознанного признания ценностей, в основе которых лежат определенные «эволюционные универсалии». Чем более функционально дифференцированным становятся современные цивилизованные общества, тем более они нуждаются в создании эффективного политического порядка на основе универсальных принципов права и демократической самоорганизации.